

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ, ПРОНУНСИАМЕНТО, ПУТЧ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

М. Банкович

*Ягеллонский университет (Краков, Польша)**

Поступила в редакцию 9 октября 2008 г.

Аннотация: *статья представляет собой теоретический анализ существующих в мировой политологии основных классификаций государственного переворота как явления. Автор приходит к выводу о том, что государственный переворот, в отличие от революции, не стремится к коренным изменениям социальной и политической структуры государства и рассматривает основные принятые типологии государственных переворотов.*

Ключевые слова: *государственный переворот, пронунсиаменто, путч.*

Abstract: *the article is the theoretical analyze of the main modern classifications of the stroke of state. The following conclusions are drawn: putch or the strokes of state unlike revolution don't change social and political structures of the government.*

Key words: *coup d'etat / upheaval, pronunsiamiento, putch*

Государственный переворот является одним из трёх способов получения власти в государстве наряду с выборами и наследованием. Во многих странах мира, главным образом, в Южной Америке и Африке, он до недавнего времени представлял основную технологию получения власти и являлся нормой государственного строя, правда, формально не узаконенной и юридически недопустимой, но на практике используемой и принятой всеми участниками политической игры.

Феномен выборов и избирательные процедуры, свойственные демократической борьбе за власть, так же, как и правила наследования власти, характерные для абсолютной монархии, всегда находились в центре внимания исследователей и политических наблюдателей, поэтому всё, что за этим стоит, было глубоко и всесторонне проанализировано. В противоположность этому, государственный переворот как значимый элемент мира политики, неотъемлемо связанный с получением власти, никогда не привлекал внимание исследователей. Разумеется, отдельные перевороты, часто рассчитанные на внешний эффект, их специфическая атмосфера и особенный политический колорит

всегда вызывали большую заинтересованность и широко комментировались в средствах массовой информации. Однако этот интерес был, как правило, кратковременным и поверхностным. Случалось, что конкретные государственные перевороты были описаны историками и политологами, которые, однако, сосредотачивались лишь на самом развитии событий, то есть на фактографической стороне явления. Государственный переворот сам по себе как политическое явление лишь изредка вызывал глубокие размышления, то есть такие, которые не ограничивались бы созданием портрета конкретного переворота, хода его событий, а также вызванных им политических последствий, но пытался проникнуть глубоко в их сущность. Достижения мировой политологии в области изучения государственного переворота как явления, имеющего свои специфические особенности, являются чрезвычайно скромными и насчитывают едва ли несколько пунктов.

Государственный переворот, путч, пронунсиаменто – это очень выразительные определения, привлекающие особое внимание и мощно воздействующие на воображение людей. Обозначая процессы большой политической важности, они, вместе с тем, отличаются открыто негативным,

* Перевод и общая редакция профессора Б.Я. Табачникова.
© Банкович М., 2008

даже пейоративным, смысловым содержанием. Иначе и не может быть, ведь за этими понятиями стоят действия, направленные на незаконное, часто с использованием насилия, получение власти в государстве. А там, где применяется насилие, необходимо принимать во внимание также возможные человеческие жертвы [10, 60]. Французский историк Морис Агульон, автор книги «Государственный переворот в республике», открыто указывает, давая не только политическую, но и моральную оценку, что государственный переворот «есть зло» [1, 9]. В условиях современного мира переворот, проводимый даже в самых периферийных государствах, сразу же попадает на первые полосы сообщений СМИ и становится предметом интереса со стороны мирового общественного мнения.

Понятие «государственный переворот» возникло на основе французского языка. Французское определение государственного переворота *coup d'état* содержит слово *coup*, которое означает 'удар'. Английский язык заимствовал это слово в том же значении, в итальянском государственный переворот определяется термином *colpo di stato*, а в испанском выступает *golpe* или же *golpe d'estado* [10, 58]. Как видно, государственный переворот – это своего рода удар, нанесённый по государству. Эта атака на государство, направленная на его ликвидацию, незаконно и, вместе с тем, резко и неожиданно изменяет существующий политический порядок. В итоге после переворота государство уже не является той же самой политической структурой, которой оно было раньше. Государственный переворот может иметь военный характер, что в действительности случается чаще, однако участие армии не является его абсолютным условием. Возможным также является полностью гражданский переворот, хотя, по правде говоря, ситуация такого рода – редкость.

Государственный переворот и перелом – синонимы, следовательно, могут заменять друг друга. Путч и *pronunciamento* представляют собой специфические формы государственного переворота: они имеют полностью военный характер, а также свои специфические черты, которые не характерны для переворотов в целом.

Определение «государственный переворот» на протяжении истории подвергалось изменению. Современное понимание указанного понятия значительным образом отличается от того, как оно понималось три века назад, когда, собственно, и появилось. Данное различие обусловлено двумя причинами: во-первых, в современную эпоху из-

менились участники государственного переворота, то есть субъекты, которые его осуществляют; во-вторых, изменилась сама форма этого политического акта, поскольку в настоящее время его производят способом совершенно иным, чем это имело место прежде. И всё же один элемент не подвергся трансформациям и остался, по сути, первообразным, являясь в этом смысле связующим звеном между переворотами прошлого и настоящего. Это то, что переворот всегда был и является непосредственно связанным с государственной властью: он выражает попытку её внезапного и быстрого получения. Более того, как правило, переворот неизменно являлся и является делом рук тех или иных органов, институтов государства или лиц, которые занимают относительно высокое положение в структуре государственной власти. Они могут быть либо недовольны старым способом реализации политики, либо стремятся получить власть, большую, чем та, которой в данный момент они располагают, либо, нарушая закон, они стремятся к укреплению и усилению своего правительства, причём их стремления получают одобрение или согласие на то вооружённых сил. Шарль Барбе, автор интересных работ, посвящённых данному явлению, метко заметил, что «государственный переворот почти всегда является инструментом меньшинств, стремящихся к завладению политической властью» [2, 259]. Эти меньшинства, – разумеется, именно потому, что они являются политическими меньшинствами, – не в состоянии получить власть путём демократических процедур, поскольку их цели, стремления и программы не имеют шанса получить поддержку со стороны широких кругов общества. Переворот, осуществлённый таким субъектом при поддержке большей части общества, представляет собой нечто вроде исключения из правила. Поскольку государственный переворот всегда означает узурпацию власти, он неизменно становится явлением, имеющим исключительно негативные коннотации [2, 259].

Краткий исторический обзор позволит нам лучше осознать указанные выше постоянные и изменяемые компоненты понятия государственного переворота. Точно установлено, что определение «государственный переворот» впервые появилось в 1639 г., когда проживающий в Риме парижанин Габриэль Науде написал свои «Политические размышления о государственном перевороте». В то время Науде был библиотекарем влиятельного кардинала Багни, который поручил ему заняться разработкой данной темы. Трактат увидел свет

лишь в 12 экземплярах, поскольку, как писал автор, «вопросы, которые он затрагивает, являются настолько важными, что весьма подходящим представляется, чтобы они не были широко известны» [2, 298]. Согласно Науде, выделяются три основные разновидности государственного переворота. Первая – это государственный переворот, проводимый с целью создания или защиты государства, а также в целях сохранения империи; вторая – это государственный переворот как действие, предпринятое во имя интересов государства, а третья – это акция типа *coup d'état* [2, 298]. Как легко заметить, лишь в третьем случае государственный переворот рассматривается как действие, морально предосудительное, как стремление занять неполюженную позицию, как приобретение в собственности государства или его уничтожение. В данном случае он должен оцениваться негативно, как не имеющий никакого оправдания и обоснования и полностью заслуживающий порицания в политическом и моральном отношении.

Обращаясь к богатому историческому материалу, Науде приводит многочисленные примеры государственных переворотов разного типа. Государственным переворотом было, например, решение Екатерины Медичи об уничтожении гугенотов во время ночи Святого Варфоломея или решение императора Тиберия, запрещающее овдовевшей кузине повторно выходить замуж из опасения, что возможные дети от этого союза могут наследовать трон в обход детей императора. Мы видим, что все приводимые Науде примеры государственного переворота касались ситуации, когда власть, под которой понимается правитель и его окружение, принимала неожиданное решение в ключевом для государства вопросе. Особенно важно подчеркнуть, что это решение, тайно задуманное и подготовленное, объявлялось неожиданно, заставало всех врасплох, именно с тем чтобы избежать противодействия со стороны тех, против кого оно было направлено.

Понятие переворота со временем сузилось до действий, направленных на стремительное изменение господствующего порядка и подрывающих основные правовые законы страны, прежде всего конституционного характера. Государственным переворотом стали, таким образом, действия власти предержащих, заключающиеся в попрании конституции и правопорядка, а также получении власти незаконным способом. Другими словами, государственный переворот стал обозначать лишь ситуации, подобные или полностью идентичные

третьему примеру, о котором размышляет Науде, то есть стали рассматриваться как явление, противное закону, в политическом и моральном смысле явно негативное, не обоснованное никакими высокими и достойными внимания аргументами. Более того, эти действия всегда должны были сопровождаться использованием силы или, по крайней мере, угрозой её применения. Именно во Франции впервые укрепилось определение государственного переворота как серьёзного нарушения конституционных основ, отвечающих за функционирование государства, со стороны тех, кто находится у власти, но желает её ещё больше или хочет ликвидировать сдерживающие её законы [2, 155].

В этом смысле классическим современным государственным переворотом было свержение президентом Луи Бонапартом II Французской Республики и провозглашение им себя новым императором Франции. 2 декабря 1851 г. Людовик Бонапарт, срок президентских полномочий которого подходил к концу, отдал верным ему военным отрядам приказ о захвате здания парламента, а затем объявил о роспуске представительного органа. Вскоре был проведён плебисцит, в котором голосующие высказались за реставрацию Империи. Таким образом, бывший президент Луи Бонапарт стал императором Наполеоном III [9].

Деятельность Луи Бонапарта, стремившегося к сосредоточению в своих руках полной и безграничной власти, определила своеобразный канон политического переворота. Карл Маркс, описывая эти события, выделил четыре элемента, характерных для государственного переворота и создающих условия для его эффективного осуществления. Во-первых, переворот должен быть подготовлен тайным образом, а когда настанет подходящее время, должен быть начат внезапно. Государственному перевороту способствует напряжённая политическая ситуация, острые общественные конфликты и нарастающее в обществе убеждение в том, что господствующий кризис власти может быть преодолен лишь с помощью силы и в обход действующих процедур. Во-вторых, при этом прогрессирует дезорганизация существующей системы власти, она является слабой и уязвимой для критики. В-третьих, участники покушения контролируют играющие в такой ситуации ключевую роль вооружённые силы или, по крайней мере, они уверены в расположении с их стороны, а также понимании данной акции. В-четвёртых, наконец, прекращают действовать представительские механизмы, растёт пропасть между обществом и полити-

ческим классом, оторванный от действительности и погружённый во внутренние споры парламент утрачивает авторитет, в результате чего демократический порядок уже не имеет своих решительных защитников [9].

Слабой стороной анализа государственного переворота долгое время была, несомненно, склонность считать переворотом любые действия, нарушающие существующий порядок и включающие насилие, которые осуществляют, однако, лишь те субъекты, которые уже каким-то образом находятся у власти. Следовательно, государственным переворотом не могут быть названы незаконные попытки получить власть в государстве теми людьми, которые находятся вне правящей элиты, хотя этого рода действия, безусловно, обладают всеми признаками переворота. Американский политолог Эдвард Луттвак, автор книги «Государственный переворот. Практический справочник», особо подчёркивает разницу между дворцовой революцией и государственным переворотом. Дворцовая революция делается внутри самой системы власти и теми людьми, которые там находятся. «Государственный переворот, – как несколько иронично замечает Э. Луттвак, – является делом значительно более демократичным» [7, 18], – ведь он может быть осуществлён полностью вне системы власти.

Современное понимание государственного переворота означает запланированное и организованное внезапное свержение существующей политической власти с нарушением действующих правовых и конституционных принципов, которому сопутствует применение силы или угроза прибегнуть к ней. Участниками переворота могут быть, таким образом, люди, принадлежащие к правящей среде, в широком смысле этого слова, либо участвующие в отправлении власти, а также люди, не принадлежащие к этим кругам и никоим образом с ними не связанные. Следствием удачного государственного переворота является установление новой государственной власти, которая с точки зрения прежнего правопорядка является незаконной. Разумеется, эта власть не желает быть незаконной и быстро приступает к созданию новой политической системы со всей её правовой инфраструктурой и системой государственных институтов.

Настало время определить, что представляют собой пронунасиаменто и путч. Пронунасиаменто, – пишет Э. Луттвак, – «в принципе, является испанской и южноамериканской версией военного переворота, однако многие недавние африканские пе-

ревороты также приняли эту особую форму [7, 22]. В Испании XIX в. пронунасиаменто было своего рода ритуалом. Сначала военные распространяли слухи об общественном недовольстве сложившейся ситуацией, потом составлялся заговор, причём заговорщики распределяли между собой задачи и определяли своё будущее положение в государстве и армии; в конце концов они приступали к действиям, призывая солдат к тому, чтобы они вместе со своими офицерами выступили против правительства. Первоначально пронунасиаменто, как правило, имело в политическом смысле характер скорее либеральный, чем реакционный или же консервативный. Военные выступали против власти со своей реформаторской программой и ссылались на волю народа. Позднее, когда армия начала придерживаться более правых взглядов и стала консервативной, а власть приняла более прогрессивный облик, пронунасиаменто утратило свою первоначальную либеральность. Военные, приходя к власти этим способом, уже не защищали угнетённый народ, а обосновывали свои действия благом государства или необходимостью защиты мира и порядка, которые находятся под угрозой. Пронунасиаменто распространилось в Латинской Америке, став во многих странах на протяжении XIX–XX вв. главным способом получения власти. Оно также являлось результатом небывало сильной позиции армии в структуре государств данного региона. Вооружённые силы стали не только защитником государства от внешней угрозы – они отождествляли себя с этим государством и демонстрировали себя в роли исключительного союзника его благ и интересов. Положительным для государства становилось, таким образом, то, что считала положительным армия. Тем самым оправдывалось любое вмешательство армии в вопросы власти и политики, если только она приходила к убеждению в том, что развитие ситуации идёт в не совсем верном направлении. С этих позиций вооружённые силы выступали и против власти, когда та по какой-либо причине теряла доверие со стороны людей в мундирах, и против народа, подавляя общественные стремления, которые истолковывались как враждебные государству. Следовательно, пронунасиаменто является разновидностью государственного переворота, который организует и осуществляет армия, а роль предводителя играет её командующий. В результате именно армия берёт власть в свои руки. Переворот, инициируемый, проводимый и управляемый гражданскими лицами, которые лишь пользуются поддержкой

или помощью вооружённых сил или некоторых воинских подразделений, не имеет характера прунунсиаменто [7, 22–23].

В свою очередь, путч – вообще говоря, явление, которое имеет место во время войны или сразу после войны, когда общественную и политическую действительность определяют ещё явно ощутимые результаты конфликта. Путч осуществляет формализованная структура, которая действует в системе вооружённых сил и подчиняется единому командованию, однако не армия как целое. Примером может служить путч генерала Лавра Корнилова, который, пользуясь слабостью и прогрессирующим параличом Временного правительства, 25 сентября 1917 г. (7 октября) направился со своими отрядами к Петрограду, с тем чтобы установить в России военную диктатуру. Путч закончился неудачей, чем умело воспользовались большевики для усиления своего влияния [4, 127–129]. Если бы генерал Корнилов, – заключает Луттвак, – имел успех, «город (Ленинград. – М. Б.), быть может, носил бы его фамилию вместо фамилии Ленина» [7, 23]. Другим, более известным путчем была также неудачная попытка захвата власти в Германии в марте 1920 г. выражающими правые политические симпатии военными отрядами, которая вошла в историю под названием «путч Каппа» [4].

Если проанализировать события XX в., можно заметить расширение значения понятия «государственный переворот», которым стали обозначать весьма различные политические явления. Если воспользоваться предложенным выше пониманием государственного переворота или даже классическим французским определением, можно прийти к выводу, что в начале 60-х гг. XX в. более чем половина государств мира имела власть, созданную в результате государственного переворота, и, таким образом, переворот как метод получения власти был явлением значительно более частым, чем выборы или монархическое наследование. Сегодня эта пропорция несколько изменилась в пользу государств с демократической системой власти, однако сама проблема, без сомнения, осталась.

В то же время действующие лица государственного переворота на протяжении истории неоднократно изменялись. В подавляющем большинстве случаев теми, кто получил власть путём государственного переворота, в условиях современного государства были военные высокого ранга. Вооружённые силы стали, таким образом, той частью государственного аппарата, которая всё чаще на-

рушала конституционный порядок и, используя насилие, или непосредственно сама захватывала власть, или насаждала новых правителей, чаще всего играющих декоративную роль, политически безвольных и полностью подчинённых армии. Вторая половина XX в. насчитывает огромное число примеров, доказывающих, что во многих странах, главным образом так называемого Третьего мира, армия была (и по-прежнему является) рассадником настроений, связанных с переворотами, а её командующие становятся инициаторами государственного переворота. Почти во всей Латинской Америке военный государственный переворот, то есть пресловутое прунунсиаменто, стало, как уже говорилось, основным способом получения власти. Рано или поздно, через определённое время участников предыдущего заговора, уже находящихся у руля власти и обосновавших законность своего режима, сменяли инициаторы нового переворота. Печальная пальма первенства на этом поприще принадлежит Боливии: эта страна в течение 182 лет независимости испытала 187 государственных переворотов, что даёт право говорить об их повседневности.

На протяжении истории, от размышлений Науде по сегодняшнее время, ключевым моментом при определении сущности государственного переворота неизменно остаётся ответ на вопрос: кто переворот организует и кто далее его осуществляет? В хронологическом порядке первоначально таким субъектом государственного переворота был царствующий монарх, стремящийся к расширению своей власти или устранению конкурентов, затем кто-то из участников существующей системы политической власти, но не первое лицо в государстве, и, наконец, часть аппарата государственной власти, обычно вооружённые силы или их основная часть.

Выдающийся американский политолог Самуэль П. Хантингтон в 60-е гг. XX в. предложил типологию государственных переворотов, которая до сегодняшнего момента считается наиболее ясной или, во всяком случае, широко известной. Это классическая, хотя, вместе с тем, спорная, о чём ещё будет сказано, типология за основной критерий которой автор принимает политическую цель инициаторов переворота. Фиксируются три разновидности подобного рода переворотов: правительственный государственный переворот, революционный государственный переворот и реформистский государственный переворот.

Правительственный государственный переворот (government coup), называемый также дворцовой революцией, направлен исключительно на смену государственного руководства, а его инициаторы, впрочем, происходящие из правящих кругов, не проводят каких-либо общественных или экономических реформ и опираются на ту же политическую базу, которая до этого времени представляла собой тыл правящей элиты, то есть не изменяют механизмов функционирования государства.

Революционный государственный переворот (revolutionary coup) влечёт за собой серьёзные преобразования политической, общественной и экономической структуры государства. Более того, полностью изменяется субъект власти: он придерживается совершенно новой идеологии и обращается к социальным слоям или группам, которые до этого времени считались притесняемыми или, по крайней мере, находились на втором плане. В свою очередь, реформистский государственный переворот (reform coup) не стремится к радикальному изменению ситуации, но одновременно вносит план постепенных политических, социальных и экономических реформ, которые в какой-то мере должны изменить облик государства и общества. Этому перевороту часто сопутствует программа, которая превосходно отражает содержание лозунга «Изменение и прогресс» [4, 75–93].

Некоторые исследователи, полемизирующие с С.П. Хантингтоном, упрекали его – видимо, с большой долей справедливости – в том, что он недооценивает незаконный характер государственного переворота, а это приводит к тому, что в рамках данного подхода сам переворот становится явлением нейтральным, и его оценку, негативную или позитивную, определяют лишь действия, которые осуществляет новая правящая команда, и сами результаты этих действий [5].

Автором второй, ещё более спорной классификации различных типов переворотов является уже упоминавшийся в этом тексте Эдвард Луттвак. Он говорит о трёх разновидностях незаконного получения власти, а именно о государственном перевороте, пронунсиаменто и путче, которые различаются по своему характеру – гражданскому или военному. Согласно Луттваку, государственный переворот имеет гражданский характер, в то время как пронунсиаменто и путч обозначают переворот военный [7, 22–23]. Такой подход представляется, однако, весьма натянутым, и, что важнее, он опирается на произвольное предположение о том, что государственный переворот – дело гражданских

лиц. Концепция Луттваку вступает также в противоречие с общепринятым пониманием государственного переворота как явления, охватывающего широкий спектр частных случаев. Военный государственный переворот – это понятие, прочно укоренившееся как в науке о государстве и политологии, так и в разговорной речи. Что касается пронунсиаменто и путча, то это определения узкоспециальные, поэтому трудно ожидать, что они попадут в широкое употребление как названия военных переворотов. Ещё более сомнительным является тезис Луттваку о политическом нейтралитете государственного переворота. Он пишет: «Революции являются, как правило, "левыми", в то время как путч и пронунсиаменто обычно иницируются правыми силами. В то же время государственный переворот является политически нейтральным, и нельзя предположить, какая частная разновидность политики наступит после захвата власти. Верно, что большинство переворотов имело решительно правый характер, но это совсем не обязательно» [7, 24]. Наблюдения, сделанные Луттваку, являются верными, однако он делает из них ошибочные умозаключения. Не существует никакого политического нейтралитета государственного переворота, как не существует и политического нейтралитета революции, пронунсиаменто или путча. Все они имеют яркую идейно-политическую окраску. Верно, что правая революция является событием, но верно и то, что очень часто происходили левые пронунсиаменто и левые путчи, что, например, имеет место в случае гражданских государственных переворотов. Государственный переворот является лишь способом получения власти, и как способ не может быть ни правым, ни левым, ни более правым, чем левым, и наоборот.

Курзио Малапарте в своей известной книге под названием «Техника государственного переворота» (1931) показывает, что государственный переворот не нуждается в мобилизации масс, повстанческом порыве или революционной борьбе. Его осуществляет хорошо подготовленная группа заговорщиков, которая в подходящий момент отстраняет прежнюю власть и всю полноту власти в государстве берёт на себя. Тщательный анализ конкретных примеров приводит Малапарте к выводу о том, что существует определённая техника государственного переворота, которая состоит в следующем. Во время переворота вначале следует захватить те места, которые являются особенно важными для системы информации в государстве, а также технологические центры [11]. В современных услови-

ях захват телевидения, радио и средств связи делает возможным передачу обществу соответствующих сообщений, что докажет факт захвата реальной власти. Этому должен сопутствовать контроль над узлами коммуникации, поскольку всё это обеспечивает логистическую защиту акции переворота и одновременно парализует попытки противника ей противодействовать, одновременно изолируя его и от возможной помощи. Лишь во вторую очередь парализуются средства политической власти и захватываются резиденции центральных органов власти, контроль над которыми, без сомнения, обеспечит успех переворота. Государственный переворот должен начаться неожиданно и закончиться стремительно, поскольку именно быстрота действий в большинстве случаев обеспечивает его успех. С государственным переворотом связывается крайне серьёзный риск. Если повезёт, его участники возьмут контроль над государством, но в случае фиаско им угрожают весьма серьёзные последствия, в том числе лишение жизни. «Государственные перевороты, – писал исследователь данного явления Д.К. Рапопорт, – конечно, привлекают людей, которые берут на себя риск изменить свою жизненную ситуацию за один акт. Но, в отличие от картёжника, который платит по счетам определённую сумму, игрок в этот куда более опасный спорт может потерять всё, включая свою жизнь, в результате лишь одной ошибки» [10, 66].

Сложность аппарата современного государства и его механизмов являются источником как его силы, так и возможной слабости. Структура государства обладает соответствующими элементами, которые должны стоять на страже внутренней и внешней безопасности. Подобного рода задача, вообще говоря, возлагается на вооружённые силы, спецслужбы, а также полицию. Поэтому именно они как нельзя лучше естественным образом подходят для осуществления переворота, и легче всего это сделать самой сильной из перечисленных структур, то есть армией. Государственный переворот, не поддержанный армией или значительной её частью или не одобряемый ею, обречён на быструю неудачу, потому что такая акция не имеет никаких реальных шансов на успех. Следовательно, в подавляющем большинстве случаев мы имеем дело с военным государственным переворотом, так как только армия в состоянии навязать свою волю всем остальным элементам государственного аппарата, а также обеспечить повиновение, в том числе со стороны общества. Государственный переворот, инициированный теми, кто находится и действует

вне вооружённых сил, например, спецслужбами, полицией, частью политической бюрократии, будет иметь успех лишь при условии, что армия не будет ему противодействовать и сохранит нейтралитет, – причём нейтралитет в данном случае является разновидностью пассивной поддержки, – или же если в её рядах начнутся раздоры и конфликты. В ситуации, когда вооружённые силы или основная их часть не примет переворота и начнёт активную деятельность против его инициаторов, государственный переворот, без всякого сомнения, потерпит фиаско. В подавляющем большинстве случаев в условиях современного государства государственный переворот означает осуществление всей армией в лице её командования или группы военных высшего ранга тотального контроля над атрибутами и органами политической власти в результате неожиданных действий незаконного характера. Таким образом, обычно в ходе государственного переворота или непосредственно после него вооружённые силы становятся главным действующим лицом этих событий.

Субъект, осуществляющий переворот, в современных условиях старается минимизировать применение физического насилия. Целью государственного переворота является захват власти в государстве, а не погружение в жестокость. Подавление сопротивления и, в большей степени, возникновение борьбы свидетельствуют о том, что план реализован не так, как предполагалось. Современный государственный переворот, как цинично это ни звучит, должен быть проведён быстро и чётко, лучше всего бескровно и как можно мягче. Большой редкостью являются перевороты, инициаторы которых предполагают несдержанность и радикализм в проводимой ими акции, а также ставят себе целью грубое репрессирование своих политических оппонентов.

Интересным представляется сравнение государственного переворота с революцией и мятежом. Мы обращали уже внимание на явно негативную окрашенность понятия «государственный переворот». Революция не вызывает столь уничижительных оценок и часто даже имеет позитивные ассоциации. «Революция, – замечает уже упоминавшийся нами М. Агульон, – является прежде всего понятием, которое считается движением, исходящим снизу социальной пирамиды, из народа. Государственный переворот, наоборот, является эманацией скрытой группы, организованной, мощной, но (на уровне концепции и кадров, отвечающих за реализацию) ограниченной количественно.

С демократической точки зрения (власть народа) революция является, таким образом, положительной, в то время как государственный переворот не вызывает уважения» [1, 9].

В гражданской войне, революции или мятеже часто доходит до глубоких социальных антагонизмов, ведущих в конечном счёте к раздору в рядах вооружённых сил и последующей братоубийственной борьбе, или возникает такая ситуация, при которой репрессивные органы государства не могут подавить массового выступления против господствующего порядка. В отличие от них, государственный переворот характеризуется тем, что его осуществляют люди, действующие в пределах государственного аппарата и часто принадлежащие непосредственно к правящей элите. Источники политического недовольства находятся в самой структуре государства, внутри его, в отличие от ситуации гражданской войны и мятежа, когда возникают волнения людей, находящихся вне системы власти. Дальнейшие различия состоят в том, что переворот, – в отличие от гражданской войны, революции и мятежа, которые являются явлениями стихийными и, возможно, лишь постепенно подвергаются институционализации, – должен быть старательно спланирован, он также должен отличаться высоким уровнем внутренней организации и способствовать тому, чтобы люди, вовлечённые в данную акцию, точно знали своё место, имели чётко обозначенные центры диспозиции задания, заранее знали, что должны делать в ходе переворота и после его успешного завершения. Государственный переворот, совершённый стихийно, лишённый организации и не предварённый серьёзной подготовкой, в современных условиях обречён на неудачу. Одним словом, революция и мятеж – это политическая стихия и импровизация, а государственный переворот – это политический план и последовательность в действиях. В то же время революция развёртывается в широком общественном масштабе и вовлекает большие группы людей; подобным образом дело обстоит и с мятежом, хотя его масштаб является меньшим, чем у революции, и значительно менее скромной является в этом случае идеологическая программа. В отличие от них, переворот является делом элиты и носит заговорщический характер.

Революция – это процесс, в результате которого устанавливается совершенно новый политический, системный и правовой порядок. Мятеж, называемый также бунтом или восстанием, в свою очередь, означает внезапный социальный взрыв,

направленный против существующей политической власти и предполагающий применение средств насилия. Мятеж отличается от революции тем, что ограничивается определённой территорией и не охватывает радиусом своего действия всей страны, а также тем, что активную роль в нём играет определённая социальная группа (например, студенты, рабочие или армия), в то время как остальные слои общества остаются, как правило, безучастными. Государственный переворот, в отличие от революции, не стремится к коренным изменениям социальной и политической структуры государства – он направлен исключительно на отстранение от власти тех, кто правит в данный момент. Именно этим он напоминает мятеж, который тоже ставит целью или лишение власти тех, кто находится у её руля, или получение каких-либо уступок, политических или экономических. Мятеж (бунт, восстание) является, однако, массовым политическим движением, что не свойственно государственному перевороту. После переворота государственный порядок в политическом и правовом смысле изменяется не полностью или в относительно небольшом масштабе: сущность господствующей системы остаётся, как правило, прежней. В результате увенчанного успехом мятежа масштаб политических, правовых и экономических изменений является неизмеримо большим, а революция, напомним, всегда устанавливает новый порядок. В связи с этим государственный переворот иногда определяют как «малую революцию» или «меньшую революцию», что, однако, не представляется верным, так как рассчитано прежде всего на внешний эффект, и, более того, такого рода подход вуалирует саму суть вопроса. Между переворотом и революцией выступает принципиально качественная разница, это два совершенно разных явления, отличающихся количественным измерением: революция является движением, широким в политическом и социальном смысле, а государственный переворот – узким. Бывает, однако, хотя и редко, что государственному перевороту сопутствуют массовые социальные выступления. Их характер при этом может быть различным: они могут поддерживать переворот или протестовать против него.

Государственный переворот не влечёт за собой, как уже говорилось, принципиальных изменений в политической, экономической и социальной структуре. Между революцией, мятежом и государственным переворотом нет принципиальной разницы, если речь идёт о правовой оценке этих явлений. Все эти акты являются незаконными с

позиции существующего правопорядка и означают его нарушение. Например, революция, как и переворот, устанавливает новую систему политической власти, а мятеж, в отличие от них, – не всегда, так как он может довольствоваться одними уступками, сделанными в его пользу. Установленная путём революции или переворота власть является сначала властью фактической, которая в то же время старается быстро вступить в законную силу и легализовать себя. Состоявшееся политическое изменение, таким образом, требует своего подтверждения законным путём.

Выдающийся австрийский теоретик государства и права Ганс Келсен (1883–1973) обращал внимание на то, что государственный переворот, как и революция, является, что противоречит закону, отменой прежнего государственного порядка и прежней правовой структуры, и это, в известной степени, естественно, заставляет власть, появившуюся в его результате, создавать новую правовую систему, в том числе принимать новую конституцию [8]. Имея это в виду, некоторые исследователи характеризуют государственный переворот как «революцию в законе, но не в политике» [12]. Это слишком остроумное определение не даёт, однако, полной аналитической сатисфакции, поскольку имеет очень ограниченный объяснительный характер.

Может показаться, однако, и так, что государственный переворот порождает политические и социальные процессы, которые приобретают открыто революционный характер. Те, кто в его результате захватил власть, принимают решение основательно переделать существующую социальную и экономическую структуру или даже желают ликвидировать её вообще. Государственный переворот выступает в данном случае лишь средством получения власти, и уже освоенная система власти становится источником проведения фундаментальных изменений в других сферах жизни. Совершенно противоположное явление представляет собой государственный переворот, являющийся кульминационным моментом революции. В известной степени примером этому может послужить приход к власти в 1917 г. в России большевиков.

Американский политолог с мировым именем Фрэнсис Фукуяма писал: «Введение военного положения, на Западе часто называемое "переворотом Ярузельского", было одним из последних случаев вмешательства армии в общественную жизнь страны, находящейся на сравнительно высоком уровне развития. За последние два десятилетия военные

намного реже поддавались искушению вмешаться в политику. Это особенно хорошо видно на примере Латинской Америки, которая, как известно, имеет давнюю традицию путчей и военных диктатур. Одной из причин этого нежелания является, без сомнения, то, что военное правительство редко когда имело успехи в экономике и на международной арене. Бразильские и перуанские генералы в 70-е гг. привели свои страны на грань экономической катастрофы, греческие полковники спровоцировали турецкое вторжение на Кипр и чуть не вступили в войну, а аргентинская хунта, которая пришла к власти под лозунгами укрепления безопасности и борьбы с терроризмом, сама развязала террор и бессмысленную войну за Фолькланды. Имеется, конечно, недавний случай путча в Таиланде (в 2006 г. – М. Б.), который стал полной неожиданностью для большинства комментаторов, однако эпоха военных государственных переворотов, скорее всего, уже не вернётся» [3]. Оставляя в стороне ошибочное убеждение, распространённое, по мнению Фукуямы, на Западе – о том, что военное положение в Польше было военным переворотом, – он, несомненно, прав по существу: с некоторых пор государственные перевороты в мире стали редкостью, во всяком случае, они уже не так часты, как в прошлом. В то же время мы не разделяем оптимизма автора по поводу того, что эпоха государственных переворотов является уже перелистанной страницей истории. Есть опасение, что конъюнктура для государственных переворотов, если можно так выразиться, в будущем может возродиться именно в тех регионах мира, где данный способ получения власти имеет свои богатые традиции. В частности, речь идёт о Латинской Америке и Африке. Ни одна социальная или политическая проблема не была там раз и навсегда разрешена, демократические процедуры глубоко не укоренились, значительная часть общества считает их чуждыми, и проводимый стиль политического руководства неизменно находится на низком уровне и подвергается широкой критике. Поскольку все эти обстоятельства всё ещё имеют место, предпосылки для государственных переворотов, к сожалению, по-прежнему остаются реальностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Agulhon M. Coup d'État et République.* – Paris, 1997.
2. *Barbé C. Colpo di stato // Politica e società / [a cura di Farneti P.].* – Firenze, 1979. – Vol. I.

3. *Fukuyama F.* 13 grudnia nie miał wielkiego znaczenia // *Europa*. – № 50. – 2006. – 16 grudnia.
4. *Historia polityczna świata XX wieku 1901–1945* / [pod red. M. Bankowicza]. – Kraków, 2004. – S. 127–129.
5. *Huntington S.P.* Patterns of Violence in World Politics // *Changing Patterns of Military Politics*. – Glencoe, 1965. – P. 75–93.
6. *Kelsen H.* Teoria generale del diritto e dello stato. – Milano, 1954.
7. *Luttwak E.* Coup d'État. A Practical Handbook. – London, 1968.
8. *Malaparte C.* Zamach stanu. – Toruń, 2004.
9. *Marks K.* Osiemnasty brumaire'a Ludwika Bonaparte // *Marks, Engels. Dzieła wybrane*. – Warszawa, 1981. – T. 1. – S. 620–714.
10. *Rapoport D.C.* Coup d'État. The view of the Men Firing Pistols // *revolution* / [ed. C. J. Friedrich]. – New York, 1966.
11. *Rivoluzione e società*. – Milano, 1965.

Ягеллонский университет (Краков, Польша)
М. Банкович, доктор политических наук,
профессор
rektor@adm.uj.edu.pl
Тел. (+4812) 422-66-89

Yagellon State University
M. Bankovich, the doctor of historical science,
the professor
rektor@adm.uj.edu.pl
tel. (+4812) 422-66-89